

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ ГЕОГРАФИИ

На правах рукописи

УДК 911.3:32

КОЛОСОВ Владимир Александрович

ТЕРРИТОРИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВА

И1.00.02 – Экономическая и социальная география

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
доктора географических наук

Москва – 1992

Работа выполнена в Институте географии Российской Академии Наук.

Официальные оппоненты – доктор экономических наук,
профессор С.Е.Благоволин
доктор географических наук
Ю.Г.Липец
доктор географических наук
Н.С.Мироненко

Ведущая организация – Институт сравнительной политологии
и проблем рабочего движения РАН

Защита состоится 14 июня 1992 года в 14 ча-
сов на заседании специализированного совета Д.003.19.02 по
защите диссертаций на соискание ученой степени доктора гео-
графических наук по специальности И.00.02 "Экономическая и
социальная география" при Институте географии РАН по адресу:
Москва, Старомонетный пер., 29.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института
географии РАН.

Автореферат разослан 14 июня 1992 года.

Отзывы в двух экземплярах, заверенные печатью, просьба
направлять по адресу: 109017, Москва, Старомонетный пер.,
29, ученому секретарю специализированного совета по экономи-
ческой и социальной географии.

Ученый секретарь
специализированного совета
кандидат географических наук

С.Л.Лебедева

Актуальность тем. Усиливающаяся целостность современного мира, единство и усложнение процессов мирового развития ставят перед географической наукой задачу изучения взаимосвязи глобальных и региональных проблем. Для этого необходимы исследования пространственной стороны политической жизни общества. Политические решения приобретают ключевую роль для развития социума на всех территориальных уровнях. В то же время политическая деятельность и ее территориальная дифференциация испытывают существенное воздействие социально-экономических и природных географических явлений и процессов.

Территориальные различия в политической жизни общества в их взаимосвязи с разнообразными географическими факторами — предмет политической географии (ПГ). Благодаря большому интеграционному потенциалу, конструктивному характеру, нацеленности на немедленное использование ее рекомендаций политическими деятелями, ПГ не только составляет органическую часть географии, но и играет важную роль во всей системе общественных наук.

На Западе ПГ занимает видное место в научном обеспечении и обслуживании функционирования демократической политической системы, принадлежит к числу авторитетных и хорошо финансируемых дисциплин. Политико-географы часто выступают в роли консультантов законодательных и исполнительных органов власти, политических деятелей. В последние годы заметно вырос интерес к ПГ и у нас в стране. Однако в целом уровень ее развития еще не отвечает потребностям науки и практики.

ПГ как никогда необходима для разработки основ внутренней политики нашего государства. В условиях острых межнациональных конфликтов, распада СССР, угрозы дезинтеграции самой России и кризиса в экономике существует весомый риск выхода политической обстановки в отдельных регионах из-под чьего-либо контроля. Отсюда вытекает необходимость тщательного изучения политических событий в разных частях страны, выявления закономерностей долгие годы открытой и ныне динамично меняющейся территориально-политической дифференциации общества, поиска путей разрешения противоречий между федеральными властями и республиками, совершенствования территориальной организации выборов в демократические представительные учреждения.

ПГ – важная часть научного обеспечения внешней политики Интернационализация производства и капитала, международные империи и связанные с ними сложные этнические процессы, экологическая угроза и ограниченность природных ресурсов в глобальном масштабе вызывают столкновение противоречивых интересов многих государств. В то же время заинтересованность разных стран в решении глобальных и региональных проблем повышает объективные потребности в широком международном сотрудничестве, в том числе на региональной основе. Политико-географическое изучение глобально-региональных проблем – база для выявления причин актуализированных и потенциальных конфликтов, поиска разумных компромиссов, оптимальных пространственных уровней и территориальных рамок для сотрудничества.

Потребности дальнейшего развития ПГ как нового научного направления диктуют необходимость расширения как конкретных разработок в ее различных областях, так и интегрирующих их теоретических исследований, углубляющих представления о взаимодействии политической деятельности общества и его географического базиса.

Цель диссертации – разработка концепции территориально-политической организации общества (ТПОО) как теоретического ядра политической географии, выявление на основе этой концепции особенностей ТПОО на разных пространственных уровнях и ее связей с другими общественно-географическими структурами.

Задачи работы включают:

1) разработку представлений о предмете, объектах, содержаниях, магистральных направлениях развития современной ПГ;

2) анализ воздействия глобальных и макрорегиональных факторов на формирование региональных международных и внутригосударственных политических ситуаций;

3) разработку подходов и методов географического анализа основных элементов ТПОО – государственной территории и границ, системы политико- и административно-территориального деления;

4) выявление соотношения объективно формирующихся на разных пространственных уровнях территориально-политических систем (ТПС) с юридически закрепленными ТПС (системой государственных границ, политико- и административно-территориально-

го деления);

5) разработку и проверку концепции, структуры и методов исследования географии выборов как важнейшей формы политической деятельности, фактора и результата изменения УПСО;

6) выявление путей практического применения политико-географических исследований в реорганизации территориально-политических структур Российской Федерации (РФ) в ходе радикальных политических преобразований.

Предмет исследования – территориальная структура и процессы организации политической сферы общественной жизни, ее взаимосвязь с географическим пространством.

Конкретными объектами исследования были главным образом промышленно развитые страны (в первую очередь, западноевропейские) и бывший СССР. В ряде глав и разделов рассматривались политико-географические процессы на глобальном и мезорегиональном уровне, а также в развивающихся странах. Широта проблематики заставила автора ограничиться анализом ИГ суши.

Теоретико-методологической базой работы послужили достижения географической школы Н.Н.Баранского–И.А.Витвера–И.М.Мергойза, труды отечественных обществоведов – политологов, юристов, социологов, экономистов, историков. Автор опирался на разработку принципа "территориальности" ("географичности") ИГ, т.е. методологию анализа территориально-политических систем в тесной связи с другими общественно- и природно-географическими системами, развитую в трудах С.Е.Благоволитина, Л.Б.Вардомского, О.В.Витковского, С.Б.Лаврова, В.В.Лаврухина, Я.Р.Машбица, Н.С.Мироненко, А.С.Черепачко, Н.В.Петрова, С.Б.Слевича, Л.В.Смирнягина, В.С.Ягьи, а также понятие политико-географического пространства и деятельностную концепцию ИГ, предложенные Н.В.Каледниным и К.Э.Аксеновым.

В концептуальном отношении для автора большое значение имели труды крупных западных географов-марксистов – И.Лакоста (использование ИГ и в особенности геополитики в политической борьбе на международной арене и внутри государства), Д.Мэсси (последствия структурной перестройки мирового хозяйства для регионального развития), И.Валлерстайна и П.Тэйлора (теория "мировых систем", представляющая собой развитие теории "длинных волн" Н.Н.Кондратьева в приложении к ИГ и геопол-

литике). Для теории ПГ весьма важна теория географического места, созданная в основном усилиями британских и американских географов (Дж. Агню, Ф. Кук, М. Севедж и др.). Отдельные разделы диссертации опираются также на результаты, полученные политико-географами и социологами – приверженцами "экологического" подхода и "гуманистической" географии.

Информационная база работы – первичные статистические материалы, публикуемые правительственными и неправительственными международными организациями (различными подразделениями системы ООН, "Евр. статом", Институтом мировых ресурсов и др.) банки данных (например, о состоянии государственных границ в мире), национальные статистические издания, в частности, публикации об итогах выборов, книги и статьи зарубежных и отечественных ученых, специальные информационные бюллетени политик географического характера, в том числе посвященные проходившим в различных странах мира выборам и референдумам, изменениям политических границ и т.п.

Научная новизна диссертации заключается в том, что она является первой в отечественной литературе политико-географическим исследованием, в котором разработана концепция территориально-политической организации общества, охватывающая взаимодействие политической деятельности с общественно-географическими структурами на разных пространственных уровнях.

Конкретно новизна работы состоит в следующем.

1. На основе концепции ТПОО раскрыто значение для общественной практики степени совпадения на разных уровнях юридически закрепленных политических границ с реальными рубежами в геопространстве (ТПС де-факто и де-юре).

2. Выявлены изменения географических условий и факторов международного сотрудничества и конфликтов под влиянием новых глобально-региональных экономических, геоэкологических и политических взаимодействий; развита и проверена на конкретном материале концепция географической взаимозависимости как основа научной геополитики.

3. Разработана методология географического изучения государственной территории и границ, систем политико-административного деления, предложена концептуальная модель этнотерриториального конфликта.

4. Проанализирован характер современных сдвигов в ТПОО зарубежных стран, прежде всего, западноевропейских, направления и пути реализации реформ политико- и административно-территориального деления.

5. Развита концепция и совокупность методов географического изучения предвыборной кампании и результатов выборов (электоральной географии).

6. Предложенные концепции и методы впервые применены к политико-географическому изучению бывшего Советского Союза: на основе анализа материалов выборов и референдумов 1989-1991 гг. выявлены важные черты политической дифференциации территории бывшего СССР и России, проанализированы причины и эволюция этнотерриториальных конфликтов, возможные пути реформ ТПОО на базе разработанных в мировой практике принципов.

Предмет защиты составляют концепция территориально-политической организации общества на разных пространственных уровнях, результаты ее проверки на конкретном материале, сформулированные на этой основе практические рекомендации по разработке политических реформ в России.

Практическая значимость работы заключается в том, что ее результаты могут быть использованы:

1) как теоретическая основа для дальнейшего развертывания фундаментальных и прикладных политико-географических исследований, создания сети соответствующих исследовательских ячеек, важной для нормального функционирования демократической системы;

2) в разработке геостратегии России с учетом ее нового геополитического положения, в частности, путей смятчения напряженности в конфликтных зонах, обосновании программ регионального сотрудничества, его пространственных рамок и предпосылок, а также новых норм международного права;

3) для реализации принципов гражданского общества и правового государства в новой территориально-политической организации Российской Федерации - разработки и экспертизы проектов ее переустройства, совершенствования административного деления и местного самоуправления, нарезки территории на избирательные округа и т.д.;

4) для создания государственной системы мониторинга и банков информации о политической ситуации в регионах России и дру-

гих стран, новых видов тематических карт как для специалистов, так и широкого круга потребителей;

5) при создании экспертных систем для ведения предвыборных кампаний в разных районах и округах, изучения территориального распределения сторонников партий и общественных организаций и т.п.;

6) в преподавании курсов политической географии, экономической и социальной географии России и зарубежных стран в университетах и других вузах.

Материалы диссертации использовались Международно-правовым управлением МИД СССР при подготовке переговоров по разработке норм международного права несудоходных видов использования международных водотоков, Конституционной комиссией и Комиссией по межреспубликанским и межнациональным отношениям и региональной политике Верховного Совета РФ в работе над проектом новой Конституции РФ и другими документами, на географических факультетах Московского, Ленинградского и Белорусского университетов при чтении курсов политической географии.

Апробация работы и публикации. Диссертация является продолжением и обобщением исследований, которые ведутся автором более 15 лет, и получили отражение во многих публикациях и научных докладах. Основные результаты исследований, включенные в диссертацию, опубликованы в 3 монографиях (одна из них – в соавторстве) и брошюре, а также в 47 других работах, в которых личный вклад автора составил более 60 листов.

Положения, выводы и рекомендации, вытекающие из работы, докладывались на IX Конгрессе Международной Ассоциации политических наук (Москва, 1979), международных круглых столах "Человечество, общество, глобальные изменения" (Вроцлав, Польша, 1988), "Политическая география городов" (Рим, 1989), сессии Комиссии Международного Географического Союза "Политическая карта мира" (Прага, 1991), конференции, организованной международной сетью политико-географических исследований "Европолис" (Нант, 1991), VII и IX Съездах Географического общества СССР (Киев, 1985; Казань, 1990), многих всесоюзных географических и политологических совещаниях и конференциях (Черновцы, 1983; Ленинград, 1984; Звенигород, 1988; Москва, 1988 и 1990), I и II Всесоюзных совещаниях-семинарах по политической геогра-

фии (Баку, 1986 и Ленинград, 1990), в Центре политологических исследований при Институте государства и права АН СССР (1990), многократно – на заседаниях Московского филиала Географического общества СССР (1979–1990) и т.п. Положения диссертации также нашли отражение в докладах, сделанных в ряде научных центров Европы – в университетах Париж–Сорбонна–4, Брюсселя, Амстердама, Оксфорда и Ньюкасла.

Логика и структура работы. Цели и задачи работы, включающие разработку концепции ТПОО на разных пространственных уровнях как ядра ПГ, подходов и методов к географическому анализу важнейших ее элементов, проверку теоретических положений на конкретном материале и выявление путей их применения в реорганизации территориально-политических структур России, предопределили логику и структуру работы.

В первой главе рассматривается предмет и объект ПГ, дается периодизация и критический анализ эволюции ее концепций в послевоенные годы, раскрывается существо авторской концепции ТПОО. Далее исследуются основные особенности ТПОО на глобальном, макрорегиональном и национально-государственном уровнях, развивается методология политико-географического анализа государственной территории и границ, систем политико-административного деления. Выдвинутые положения подтверждаются на материалах разных типов стран, в том числе бывшего СССР. Специальный раздел посвящен задачам, концепции, структуре и методам исследования географии выборов. В завершающей главе эта концепция применена к изучению географии выборов и референдумов 1989–1991 гг. в бывшем Советском Союзе и России.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ

Концепция территориально-политической организации общества

Начало современного этапа развития мировой ПГ совпало с качественным переломом в западной цивилизации, обозначившимся с середины 70-х гг. и связанным с ее вступлением в постиндустриальную эру. В центре внимания так называемой новой ПГ – воздействие государства на территориальные системы. В попытках понять его роль она обратилась, с одной стороны, к неокласси-

ческими теориями политэкологии, с другой – к марксизму. Были предприняты попытки построить концепцию, которая бы объединила отдельные, нередко весьма далекие друг от друга области ПЭ. Эти попытки существенно продвинули ее теорию. Однако, по нашему мнению, их авторам удалось убедительно интерпретировать формирование интегральных территориально-политических систем лишь на одном или нескольких смежных пространственных уровнях – глобальном (теория "мировых систем"), национально-государственном или локальном (приложения различных теорий государства в ПЭ).

Объяснить взаимодействие территориально-политических и других общественно-географических структур на всех уровнях, консолидировать ПЭ как научную дисциплину, на наш взгляд, позволяет концепция ТПОО. Она отражает также двуединство ПЭ как науки на стыке политологии и географии.

Термин "территориальная организация", как известно, подразумевает как процесс, деятельность, так и ее результат. Соответственно, ТПОО представляет собой:

1) воздействие на политическую деятельность территориальной дифференцированности ее условий и факторов, их взаимосвязи, взаимозависимости и соподчиненности;

2) сочетание двух видов несовпадающих ТПС – ТПС де-факто объективно складывающихся в ходе политической и иной деятельности и не институализированных в пространстве, и ТПС де-юре, зафиксированных правовыми нормами, т.е. системы политико-территориального деления и управления с его центрами.

Таким образом, понятие ТПОО сочетает в себе и пространственную выраженность политической деятельности, и ее результаты – ТПС, т.е. взаимосвязанные сочетания элементов политической сферы общества, функционирующие на определенной территории. Главное отличие ТПС де-юре (государств и их созвоёв, внутренних политико-административных единиц, всякого рода специальных зон, создаваемых для решения практических задач, избирательных округов и т.п.) от ТПС де-факто – управляемость. Основные критерии ТПС обоих видов и соотношение между ними показано в таблице I.

Таблица I

Виды и функции территориально-политических систем

ТПС де-юре	ТПС де-факто	Функции ТПС де-факто
Первичная самоуправляющаяся административно-территориальная единица (территориальный коллектив) - коммуна, сельсовет и пр.	Политико-географическое место (ПГМ)	Воспроизводство рабочей силы и первичная социализация человека; воспроизводство политической культуры; адаптация территории к общенациональным и глобальным воздействиям
Крупный город, городская агломерация, обладающая единым органом управления с делегированными ему полномочиями; административно-территориальная единица второго порядка (департамент, провинция, уезд...)	Локальная система политико-географических мест	Интеграция ПГМ, передача импульсов управления с общегосударственного уровня на уровень ПГМ; диффузия политических инноваций; воспроизводство политической элиты
Крупная административно-территориальная единица первого порядка, субъект федерации	Политико-географический район (ПГР)	Интеграция локальных систем ПГМ (городской и сельской местности, поселений разной людности и функций), регулирование устойчивости и изменчивости государственной политической системы; воспроизводство главных черт региональной политической культуры
Крупный субъект федерации; данное звено может в системе ТПС де-юре отсутствовать	Политический регион (например, Юг США)	Длительное одностороннее воздействие из государственную систему и развитие всей страны
Страна	Страна	Реализация самоопределения наций, воспроизводство капитала, генерация многофункциональных управляющих воздействий, адаптация к глобальным воздействиям, регулирование взаимодействия между суб- и наднациональными ТПС и др.
Сообщество стран, образовавших экономический и/или военно-политический союз, или отсутст-	Геополитический район	Регулирование взаимодействия между группой стран и мировым сообществом, а также между самими странами, входящими в союз; регули-

ТПС де-юре	ТПС де-факто	Функции ТПС де-факто
вне данного звена в системе ТПС де-юре		рование устойчивости и изменчивости политического развития в мире и международных отношений; воспроизводство коренных макрорегиональных черт политической культуры

ТПС де-факто низшего ранга (политико-географическое место, ПГМ) соответствует в иерархии ТПС де-юре первичной самоуправляющейся территориальной единице. ПГМ можно определить как минимальный пространственный носитель политико-географических различий, возникающий на основе специфического сочетания географических условий и факторов политической деятельности. ПГМ характеризуется следующими признаками и свойствами: 1) оно – низшая территориальная ячейка, в которой начинают проявляться местные особенности политической культуры как снятого опыта исторического прошлого; 2) в основе ПГМ – устойчивая территориальная общность людей, важнейший элемент среды политической деятельности; 3) ПГМ – продукт длительного исторического пути, в ходе которого складывается специфика реализации им главной социально-политической функции – первичной социализации человека, формировании наиболее устойчивых компонентов его политической культуры – политических ценностей и ориентаций; 4) политическая деятельность на уровне ПГМ в большой мере мотивируется политическими интересами, связанными с потреблением – местным рынком жилья, обеспеченностью социальной инфраструктурой, благоустройством, состоянием окружающей среды и пр.; 5) в ПГМ четко проявляется чувство принадлежности, привязанности к нему, мысленное его отграничение, обособление от других мест в сознании людей; 6) как и для других ТПС, ПГМ свойственна специфика местоположения, в том числе относительно других ТПС того же или более высокого ранга. В социально-экономическом плане функция ПГМ – воспроизводство рабочей силы; 7) наконец, ПГМ – "кирпичик", из которых строятся ТПС более высокого уровня.

Из перечисленных признаков первичного ПГМ вытекают и его главные специфические функции в иерархии ТПС де-факто: воспроиз-

изводство локальных политических культур и адаптация социума ко всем более динамичным изменениям глобального и общегосударственного масштаба. Инерционность ПТМ – сильный буфер, смягчающий отрицательные стороны рыночных отношений, поэтому глубоко эшелонированная, многоступенчатая территориальная дифференциация политической культуры и всей политической жизни – необходимое условие деятельности современного социально-рыночного хозяйства.

Следующая ступень в иерархии ТПС соответствует крупному городу или агломерации, которые могут состоять из целой следующей ПТМ. Главная функция этой локальной ТПС – генерация и диффузия политических нововведений – новых моделей политического поведения, управления, политических идей. Не случайно политический водораздел между городом, особенно крупным, и сельской местностью – один из самых универсальных и присущ даже странам, достигшим высокой степени социально-территориальной однородности. Формирование политической элиты и формулирование политических идей возможно только в условиях высокодифференцированной социальной структуры, столкновения мнений и интересов, многообразия культур, обилия информации, т.е. только в крупном городе. В то же время столь значительная социальная неоднородность может быть достигнута лишь в условиях специализации, разделения труда внутри самой городской системы. Поэтому крупный город включает в себя множество первичных ПТМ.

Политико-географические районы (ПГР) состоят из первичных (или локальных систем ПТМ и соответствуют в системе ТПС мере политико-административной единице основного деления. В основе ПГР – взаимодополняемость разнофункциональных (городских, пригородных и сельских, горных и равнинных и т.п.), а, следовательно, и разнородных по социальной структуре ареалов, объединенных общностью исторического прошлого, запечатлевшегося в сознании людей, и политической культуры, отражающей коллективный исторический опыт. Национальное самосознание может резко усиливать чувство самоидентификации людей с районом, если и основывается на национальной специфике.

Поскольку ПГР разнороден в социальном отношении, то в его пределах складываются разные сочетания политических сил (например, в городе и сельской местности). Поэтому ведущий призм-

как ПРР – сходство реакции на внутренние и международные события и импульсы. На выборах это выражается в однонаправленности и примерно равной величине сдвигов в уровне влияния партий.

Политический регион (ПР) – крупная часть страны (в системе ТПС де-юре может соответствовать нескольким политико-административным единицам основного деления), объединенная узловой проблемой, выступающей единым фактором в политической жизни страны, и общим историческим прошлым. ПР могут состоять из нескольких ПРР и, по-видимому, существуют только в крупных странах. Примерами ПР служат Средняя Азия в бывшем СССР, Юг в США, Юг в Италии.

Страна – связующее звено в иерархии обоих видов ТПС – де-юре и де-факто, которые на этом уровне совпадают. Государство остается, несмотря на бурные процессы интернационализации общественной жизни, наиболее сильным субъектом политической деятельности, определяющим взаимодействие суб- и наднациональных ТПС. Самоидентификация человека со своей страной – обычно один из важных компонентов политической культуры.

Геополитическим регионам (ГР) далеко не всегда соответствуют ТПС де-юре. ГР характеризуются следующими признаками и свойствами: 1) наличием общей крупной и долговременной политической проблемы (например, противостояние арабских стран Израилю); 2) наличием общих долговременных интересов, связанных с соседством; 3) культурной, этнической, расовой, языковой близостью; 4) "искусственностью" или "естественностью" региональной системы границ, т.е. степени их соответствия реальному физическому, политическому, экономическому, социальному пространству; 5) интенсивностью связей (торговых, финансовых, миграционных, экологических, дипломатических, военных и др.).

На наш взгляд, следует различать ГР, выделяемые на основе критерия соседства и единства связанных с территориальной смежностью проблем, и ГР, основанные прежде всего на критерии родства и взаимодействия культур, предопределяющих и другие связи между странами (культурные регионы). Такие ГР, естественно, далеко не обязательно состоят из сопредельных стран (например, франко- или испаноязычные страны).

Исходя из изложенных представлений, ПР можно определить

как географическую дисциплину, изучающую территориально-политическую организацию общества, закономерности ее формирования и развития в конкретных исторических и географических условиях. Объект ИГ – иерархически организованные территориально-политические системы де-юре и де-факто в их отношениях друг с другом и географическим пространством.

Глобально-региональные взаимозависимости как основа международного сотрудничества и политических конфликтов

Глобально-региональные политико-географические процессы – результат новой ситуации в мире, связанной с его целостностью и взаимозависимостью, под которой понимают такое развитие связей между государствами, разрыв или нарушение которых повлекло бы недопустимый ущерб для любого из партнеров. Инструментом политико-географического анализа взаимозависимости является анализ цепочки "поток – структура – функция" и деления геопространства на разных территориальных уровнях на ядро-полупериферию-периферию, отражающего коренные различия в функциях разных районов и обеспечивающего "игру масштабами", столь существенную в методологии географии.

Основу взаимозависимости составляют связывающие партнеров потоки – товаров, капиталов, мигрантов, загрязнителей, энергии и др. Условием возникновения потоков взаимодействий в пространстве является некоторая "разность потенциалов" – различия в территориально-отраслевых структурах между партнерами. В свою очередь, эти структурные различия возникают на основе выполнения соответствующими территориями разных функций в системе территориального разделения труда – как правило, первоисточника взаимозависимостей, наиболее инерционного их элемента.

Отношения в глобальной иерархической системе "ядро-периферия" связаны с различными типами взаимозависимости, которые можно выделить по сфере деятельности – экономической, экологической, политической (военно-стратегической).

Рост экономической взаимозависимости, вызванный ускоренной структурной перестройкой и интернационализацией мирового хозяйства, обеспечил возможности гибкого территориального маневрирования производственными ресурсами и капиталами в гло-

бальном масштабе. В промышленно развитых странах пространственное разделение различных звеньев технологической цепочки, новые тенденции в концентрации производства и капитала, использование новых форм организации труда привели к колоссальным изменениям региональных рынков труда. В малгородских районах диффузной индустриализации, депрессивных районах широкое распространение получил так называемый филиальный тип экономики зависящий от внешних центров принятия решений и ориентированный главным образом на дешевый труд женщин, иммигрантов, представителей национальных меньшинств. Вместе с тем, в зонах и очагах высоких технологий, в столичных районах, где концентрируются управленческие, научно-информационные функции, "верхние этажи" сферы услуг, наоборот, предьявляется спрос на рабочую силу высокой квалификации, хотя в обслуживающих отраслях сохраняется потребность и в низкоквалифицированном труде, вследствие чего растет этнокультурная гетерогенность населения и социальная сегрегация.

Эти объективные изменения, наряду с кризисом коммунистической идеологии и другими социально-культурными и социально-психологическими сдвигами, за короткое время привели к радикальным сдвигам во всей территориальной расстановке политических сил. Так, во многих старопромышленных районах западноевропейских стран резко уменьшилось влияние "традиционных" партий левого фланга. Один из наиболее ярких примеров - упадок ФКП в бывшем "красном поясе" Парижа, на который ранее приходилось до 2/3 ее членов, начавшийся еще задолго до кризиса этой партии в конце 80-х гг. и связанный с дезиндустриализацией, политикой создания "новых городов", способствовавший привлечению офисов и новейших производств.

Глобально-региональные эколого-политические взаимозависимости - результат единства природной среды на планетарном и других уровнях в сочетании, с одной стороны, с интернационализацией общественной жизни, а с другой - устойчивым геопространственным делением мира. По сфере территориального охвата эти взаимозависимости могут быть подразделены на локальные, субрегиональные, региональные и глобальные, условия их формирования - на экономические, социальные и политические (международно-правовая инфраструктура, общий уровень отношений между

соответствующими странами, наличие конфликтных ситуаций и т.п.). Загрязняемые эколого-политическими взаимозависимостями сферы деятельности можно подразделить на связанные с загрязнением (заражением) окружающей среды, ресурсопользованием и содержащие риск нанесения трансграничного ущерба здоровью людей, среде и хозяйству (т.е. в отсутствие видимого ущерба или в долгосрочном плане).

Учет риска трансграничного ущерба представляет особенно сложную проблему, поскольку весьма чувствительно затрагивает государственный суверенитет. Однако вопрос уже теперь стоит о международном регулировании обширных сфер экономической деятельности государств на всей их территории.

Среди множества видов региональных эколого-политических взаимозависимостей, складывающихся в связи с использованием разделяемых (т.е. подпадающих под юрисдикцию нескольких государств) ресурсов и растущим риском современных технологий, выделяется несколько наиболее типичных ситуаций, которые вызывают или могут потенциально вызвать значительные политические осложнения в регионах: а) трансграничный атмосферный перенос загрязнителей; б) загрязнение внутренних морей морскими и особенно сухопутными источниками; в) строительство и функционирование предприятий с высокой степенью риска, особенно ядерной энергетики, вблизи государственных границ; г) использование международных речных бассейнов (МРБ).

Под руководством и при участии автора в 1989-1990 гг. по заказу МЦД СССР и ИМЭМО АН СССР в Институте географии АН СССР проведены исследования всех четырех ситуаций; подготовлены карты размещения объектов ядерной энергетики в Европе и в мире для атласа "Природная среда и естественные ресурсы мира" (в соавторстве с В.Н.Стрелецким).

В частности, автором предложена концептуально-информационная модель изучения экологической, экономической и политической взаимозависимости в крупных МРБ. К числу международных принадлежит почти половина бассейнов крупных рек мира. При этом 25 МРБ находятся под контролем от 4 до 12 стран, МРБ - типичный пример несовпадения территориальных социально-экономических систем де-факто и ТЭС де-юре. Все три фактора взаимозависимости - потоки (сток, судоходство, перенос загрязните-

лей), состав природно-теплоэнергетических, социально-экономических (хозяйственных и др.) и территориально-политических систем, их функции должны анализироваться как по морфоструктурным элементам МРБ, так и по частям бассейна, принадлежащим разным государствам.

Представление о "давлении" населения и хозяйства на различные части МРБ в отсутствие сопоставимых сведений дает индекс потенциального загрязнения, рассчитанный на базе картографической и иной информации (вычисления сделаны К.И.Бибановым) по 60 крупнейшим бассейнам мира и их частям в пределах государственных территорий соответствующих стран. Индекс представляет собой отношение численности населения и валового национального продукта на единицу площади МРБ к среднемугодовому расходу воды и отражает степень разбавления стоков, размеры которой можно полагать пропорциональными антропогенной нагрузке на территорию. Результаты расчетов позволяют оценить потенциал возникновения кризисных трансграничных эколого-политических ситуаций, связанных с использованием МРБ.

Усиление экономической и экологической взаимозависимости означает и рост взаимозависимости политической — необходимости постоянного учета усложняющихся интересов других стран, готовности к частичному ограничению государственного суверенитета во благо регионального или всего мирового сообщества. В условиях, когда издержки военного, силового пути достижения внешнеполитических целей стали в большинстве случаев неприемлемыми, умелое маневрирование между противоречивыми и конфликтными интересами соседних государств и их группировок, правильный выбор направлений внешнеполитической деятельности, т.е. геостратегии государства, представляет собой сложную научную задачу. Разработка геостратегии — главная цель геополитики как одного из междисциплинарных научных направлений, в большой степени пересекающегося с ИГ и составляющего ее специфическую часть. Таким образом, усиление взаимозависимости современного мира предопределяет и значительные изменения теоретической и концептуальной базы геополитики.

Несмотря на чрезвычайно разнообразие тематики, подходов, территориального охвата геополитических исследований, в них можно выделить общее ядро, включающее анализ зависимости меж-

ду любыми изменениями в отдельных странах и регионах и внешне-политическими и стратегическими проблемами.

Исходя из этого, геополитику можно определить как научное направление, изучающее зависимость внешней политики государств и международных отношений от системы политических, экономических, экологических, военно-стратегических и иных взаимосвязей, обусловленных географическим положением страны (региона) и другими физико- и экономико-географическими факторами.

Ключевым системообразующим отношением в геополитике ранее выступало расстояние в физическом и географическом (политико-географическом) пространстве. Ныне пространство понимается как среда, воздействующая на экономические, политические и прочие отношения между государствами. Эта среда становится все более стратифицированной и сложно организованной, а не поляризованной вокруг центров силы, как в прежнем "биополярном" мире. В современном многополюсном мире следует все больше учитывать не только отношения между "полюсами" - мировыми и региональными державами, но и отношения асимметричной взаимозависимости, господства, доминирования внутри региональных группировок.

Методология геополитики во многом зиждется на "игре масштабами" - увязке явлений и процессов мезоуровня (государственного) с уровнями макрорегиональным и глобальным, например, размера, конфигурации государственной территории и начертания государственных границ, сорасположения и функций различных районов и центров стран, с межгосударственными отношениями. Не менее важен для геополитики и взгляд "сверху вниз": от анализа региональных систем государств, сдвигов в распределении экономической и военной мощи - к изучению влияния этих процессов на геостратегию конкретного государства и внутриполитические конфликты.

Система категорий геополитики с переходом от оценки главным образом соотношения политических и военных сил стран и их блоков к более широкому исследованию взаимозависимости быстро расширяется. Помимо старых понятий - сферы влияния, баланс мощи, буферная зона, страны-сателлиты, маргинальный пояс - теперь используются также, как динамическое равновесие интересов, интеграция-деинтеграция и др. Более того, изменилось и содержание старых геополитических категорий (географическое положе-

ние, расстояние, свойства геопространства и др.). Однако это вовсе не означает уменьшения влияния геополитических факторов в целом на межгосударственные отношения: падение роли одних сопровождается модификацией или усилением других, возникновение третьих. В попытке понять значение этих изменений и состоит суть новой геополитики взаимозависимости.

В ней можно выделить следующие коренные черты:

- 1) акцент на взаимодействие между территориальными системами, а не только на различия между ними;
- 2) "многосторонность", несводимость только к политическим, военным, экономическим аспектам, необходимость новых историко-культурных и иных подходов;
- 3) изучение новых субъектов политической деятельности на мировой арене: транснационального бизнеса, правительственных и неправительственных международных организаций, националистических, сепаратистских движений, а также движений народов, не имеющих государственности и расселенных по территории нескольких стран, партизанских и подпольных движений, террористических организаций, рассматриваемых как серьезная угроза международной стабильности. Нижешняя национально-государственная система организации общества испытывает серьезный вызов, заставляющий искать новые институциональные рамки, соответствующие новым условиям; эта задача включает, разумеется, и территориальный аспект;
- 4) анализ предпосылок и результатов деятельности международных и наднациональных организаций и группировок, нового геополитического положения государств в их рамках, поиск оптимальных пространственных уровней и рамок для реализации политических решений;
- 5) изучение взаимозависимости между геополитическими факторами, социально-экономическим и экологическим кризисом (такая взаимозависимость, превратившаяся в порочный круг, стала предметом исследования на составленной автором карте, показывающей, в частности, совпадение районов экологического кризиса с районами этнических, пограничных конфликтов и военных действий в Африке);
- 6) внимание к "новым измерениям", которые приобрела в последние годы проблема территориально-государственного размеже-

вания, в частности, в связи с распадом многонациональных государств и разграничением акваторий Мирового океана;

7) разработка геополитических сценариев будущего, прежде всего, нового глобального геополитического порядка, переход к которому начался в 1989 г. в результате кризиса блока бывших социалистических стран.

Наиболее интенсивно разрабатываются ныне геополитические сценарии для Европы, где мощные интеграционные тенденции на Западе сочетаются с дезинтеграцией и крайней нестабильностью на Востоке. Автором были рассмотрены последствия распада СССР для геополитического положения России. РФ сохраняет основные свойства геополитического положения бывшего СССР; ее большая удаленность по сравнению с СССР от экономического "ядра" Европы в определенной мере компенсируется смещением ее экономического и политического "центра тяжести" к Западу. Однако имеются и многие минусы, главные из которых связаны с общей геополитической нестабильностью в северной части Евразии, незавершенностью процессов геополитической консолидации бывших советских республик между собой и с соседними странами.

Итак, одна из главных черт ТПОО на глобальном и макрорегиональном уровне – отставание реорганизации ТПС де-юре, т.е. системы региональных организаций и договоров, от изменения реальных территориальных социально-экономических систем, связанных с растущей взаимозависимостью государств. Возникающая новая система региональных институтов призвана повысить управляемость мирового сообщества – улучшить связи между субъектами международных отношений и адекватность отражения интересов различных сил и социально-территориальных групп международно-правовой инфраструктурой.

Государственные и политико-административные границы: соотношение с геопространством, политические конфликты и реформы

Взаимосвязь политической деятельности и ее отражения в ТПОО на глобальном, макрорегиональном и государственном уровнях особенно ярко проявляется в системе государственных границ (ГГ), предопределяющих политико-географическое положение (ПГП)

страны и его различные аспекты (макро-, мезо- и микро-ППТ). Территория и ее ППТ остаются важнейшим ресурсом государства. Остаются в силе императивы ППТ, порой сильно влияющие на формирование геополитических кодов государства¹, особенно малых, и специфических взаимозависимостей в регионах. Например, "внешние" страны "привязаны" к политической линии своего крупного соседа; государства, лишённые выхода к морю, вынуждены постоянно уделять большое внимание политическому обеспечению транзит и попыткам диверсификации своих связей и коммуникаций. Форма морфологии государственной территории также обуславливают многие внешние и внутренние политико-географические ситуации (заботу о внутренней хозяйственно-политической связности страны, обеспечении военной безопасности отдельных районов, недопущении сепаратистских тенденций и т.п.). Форма территории может быть охарактеризована количественными показателями, нацеленными на оценку разных ее аспектов.

Вместе с тем, интернационализация и рост взаимозависимости в мире, разрушение в 1989-1991 гг. мирового геополитического порядка, основывавшегося на противостоянии между США и бывшим СССР и их союзниками, привели к изменению макро-ППТ большинства стран к необходимости для них пересмотреть всю систему геополитических кодов и их пространственную иерархию. В этих условиях макро-ППТ отдельных стран и районов относительно крупных держав и в системе основных линий мировой политики (Север-Юг, Юг-Юг и т.д.), материализующееся в сети договорных отношений, экономических связях, зонах напряженности и т.д., претерпевают значительные сдвиги. Невозможность наследственного изменения ПТ и принадлежности государственной территории без неприемлемых издержек для агрессора, как убедительно показал пример Ирака, вызвал адаптацию системы территориально-государственного размежевания к растущему спросу на использование чужой территории и ее ППТ как ресурса: так, несмотря на нередко возникающую напряженность, в мире быстро растет число "свободных зон" разных видов.

¹ Под геополитическим кодом понимается исторически сложившийся уровень и система отношения между двумя странами, диктуемые долговременными факторами - мировым геополитическим порядком, сформировавшимся на данный период пониманием национальных интересов и др.

Функциональные признаки ГГ все меньше зависят от их морфологии (конфигурации, природных особенностей, соотношения с экономическим и социальным пространством). Тип ГГ в конечном итоге определяется тем, что она разделяет — характером и историей формирования соседних государств и их отношений, происхождением, делимитацией, длительностью существования, политическими, военными, экономическими и культурными функциями границы, степенью симметричности связей (проницаемостью), конфликтностью — иными словами, соотношением контактных и барьерных функций.

Представляется, что ГГ можно подразделить на 4 основных типа — отчуждающие, малопроницаемые, соединяющие и интеграционные. Тип границы определяется политическими отношениями и режимом, военной ситуацией, уровнем и характером контактов между разделяемыми странами, местом приграничных районов в их территориальных структурах, культурно-географическими отличиями и политикой обоих государств по отношению к этим районам. Большая часть ГГ в мире пока еще принадлежит к малопроницаемым и отчуждающим; соединяющие ГГ имеются лишь в Северной Америке и Западной Европе. В этих регионах в результате передачи большей части компетенций государств на международный уровень и создания единого политического, экономического и военного пространства появились признаки формирования интеграционных ГГ.

Расселение и территориальная структура хозяйства адаптируется к системе ГГ, оказывающей на них сильное воздействие ввиду относительной стабильности и избирательной проницаемости для разных сфер деятельности. Различия в проницаемости велики даже у соединяющих ГГ из-за разницы в валютных курсах, различий в законодательстве в области землепользования и градостроительства, стоимости разных групп товаров и услуг, среднем уровне оплаты труда. Поэтому в приграничных районах концентрируются виды деятельности, для которых условия в "своей" стране менее благоприятны. Так, меры по охране среды были приняты в Швеции раньше, чем в Норвегии, и более строги, что предопределило рекреационное использование приграничных шведских районов жителями Осло. Приграничные районы часто приобретают специфические функции посреднической торговли и услуг.

"Глубина", функции и направления эволюции приграничных

районов, помимо комплекса взаимодействий между ними самими, "центрами" граничащих государств и их другими районами, зависят от ряда географических условий, к числу которых относятся величина и компактность территории соседей, история формирования и длительность существования данного участка ГТ, его природные особенности, а также от государственного устройства стран, географического положения, уровня развития, отраслевой структуры и взаимодополняемости хозяйства соседних районов, этноконфессионального состава и особенностей социальной психологии их населения.

Система взаимосвязей в обществе, определяющая государственное устройство, постоянно меняется в ходе человеческой деятельности, которая ведет к формированию отношений между частями государственной территории, в свою очередь, приводящему к политико-административным преобразованиям.

Федеративная форма государственного устройства - лишь одно из средств ТНСО, и ее содержание, соотношение между границами субъектов федерации и реальными рубежами в обществе, стабильность внутренних политических границ в стране зависят от их генезиса и целей: создана ли федерация "сверху", посредством "федерализации" различных частей государственной территории для их подчинения одному центру, закрепления в ее составе недавно вошедших в нее районов или районов нового освоения, или "снизу", путем объединения ранее суверенных государств. Федеративная форма государственного устройства не только не является обязательным атрибутом многонациональной страны, но, как показывает анализ опыта и промышленно развитых, и развивающихся стран, не связана с решением национального вопроса. Только в 5 зарубежных федерациях (Югославии, Чехо-Словакии, Индии, бывшем СССР и в формирующейся бельгийской федерации) границы между их субъектами полностью или в значительной мере совпадают с этнолингвистическими; все эти государства испытывают остро политические кризисы или же распались.

К факторам устойчивости федерации относится прежде всего множественность критериев политико-территориального размежевания, компенсирующих друг друга, многочисленность и взаимодополняемость субъектов федерации. Классический пример стабильной Федерации, зачатки которой возникли около 700 лет назад, -

Швейцария, где границы между лингвистическими общинами, католическими и протестантскими районами не совпадают с границами между кантонами, где нет концентрации общин в немногочисленных государственных образованиях и нет какой-либо одной линии потенциальных конфликтов. Клапанами для смягчения напряженности во внутрифедеральных отношениях также служат выбор и перенос федеральных столичных округов, наличие "разделенных" столиц, освоение новых ресурсных рубежей, особенно под федеральным контролем. Налоговое и другие виды регулирования хозяйства, в том числе транспорта и ресурсопользования, региональная и экологическая политика могут быть амортизаторами во внутриполитических отношениях в федерациях, но эти же рычаги в руках федерального центра при совпадении границ в Федерации с этнокультурными, экономическими и иными рубежами в обществе могут быть предметом острых конфликтов. Особенно типичен конфликт по поводу раздела доходов от эксплуатации природных ресурсов, находящихся на территории субъекта Федерации.

Соотношение между федерализмом и регионализмом меняется в результате процессов социальной модернизации - урбанизации, общего увеличения миграционной подвижности населения, распространения телекоммуникаций и т.п., "размывающих" федеративные границы. В то же время эти весьма стабильные границы - мощный фактор эволюции общественно-географических структур. Процессы регионального развития приводят к усугублению уже изначально значительных в большинстве федераций различий между их членами в населении, экономическом и природно-ресурсном потенциале, уровне благосостояния, или же сильно меняют существовавшие ранее пропорции. Недовольство "центром" - естественная реакция на централизацию, культурную унификацию и интернационализацию общественной жизни.

Пропорции между членами Федерации нередко получают политическое закрепление, как, например, в Канаде или Бразилии, где провинции и штаты имеют разное политическое представительство, или же служат основанием для механизма межрегионального перераспределения бюджетных средств, в свою очередь, являющегося результатом политического компромисса, поэтому изменения в потенциале субъектов Федерации вызывают конфликты, особенно если это районы расселения этнокультурных меньшинств.

Реформы государственного устройства в федеративных государствах чаще всего служат средством ослабить этнокультурные территориальные конфликты. В западноевропейских странах районы расселения этнокультурных меньшинств – это обычно периферийные районы, присоединенные в ходе исторического развития к более мощному государству, которое, проводя политику централизации, длительное время подавляло религию, культуру, родной язык коренного населения и систему обучения на нем. Это часто наименее развитые районы в своих странах. Однако ни социально-экономическими (теория "внутреннего колониализма" и др.), ни культурными факторами нельзя в отдельности объяснить возникновение этнокультурных территориальных конфликтов. Показательно, например, что в Бельгии национализм и сепаратистские партии наиболее сильны в ныне более развитой Фландрии.

Концептуальная модель этнокультурного территориального конфликта представлена в таблице 2. Упреждение конфликтов, "разведение" этнолингвистических, экономических и политических границ, приоритет правам личности перед правами социально-территориальной общности – таковы наиболее общие предпосылки предотвращения конфликтов.

Автор был одним из инициаторов и участников коллективной работы над банком данных, картой, статьями и брошюрой по территориально-этническим конфликтам в бывшем СССР (Глезер, Колосов, Петров, Смирнягин, Трейвиш, 1991 и др.). Личный вклад автора заключался в разработке совместно с другими соавторами легенды и типового "паспорта" конфликта, накоплении и анализе данных.

Территориальные конфликты (на начало 1992 г. их зарегистрировано уже более 170) были классифицированы по происхождению и генезису (появившиеся в дореволюционный и/или советский период, после распада СССР, связанные с расселением этнических групп, депортациями, изменением политических и административных границ, статуса автономий и т.д.), а также характеру требований, степени актуализации (выраженности), "симметричности".

Опыт политико-географического изучения зарубежных стран с федеративным государственным устройством и территориально-этнических конфликтов в бывшем СССР приводит к следующим выводам. Прежде всего, национальные конфликты невозможно разрешать путем создания новых национально-территориальных автономий.

Развитие конфликта

Субъективные

Объективные

Расширяется казахская прав
коллегии как территориально-
ных прав: признания; доступ к
распределению; участие в
принятии политических
или решений.

Особенности истории, политическое
культуры, мифов, стереотипов, на-
циональной идеи. Наличие и отсут-
ствие традиций и институтов, со-
стояние экономики и культуры, со-
стояние населения и др.

Ранний автономизм, субъекты федерации, адм. едич-
ки, в которой сосредоточено меньшинство / степени
легитимности, соотношение с этнокультурным ареалом,
наличие территориальных споров и претензий.

Региональные развитие и уровень
благосостояния в регионе

Численность, территориаль-
ная концентрация и роль эт-
нокультурного меньшинства в
населении

Развитие этнокультурных территориальных конфликтов

Размещение меньшинства по степи-
денно и большинство; гос. грани-
цам, городкам и культурным цент-
рам / "городское", "сельское" /

Таблица 2

Наличие эт-
нокульт. в
области, в
окрестн. и / или
внутри эт-
нокульт. ос-
татков

Наличие политических и со-
циальных институтов, в т.ч.
университетов, театров и т.д.

Особенности истории и формирования гос. тер-
ритории, политической культуры. Наличие эт-
нокультурных элит, ответственности личности
и партии

ГРАНИЦЫ ПЕРИОДОВ ВЗАИМНОГО ТЕРРОРА

ПОЛИТИЧЕСКОЕ

В этнокультурной политике
субъекта

Учет в общей
экон. и реги-
ональной поли-
тике; разрабо-
тка эконо. про-
грамм; левос-
правизация
этнокультур-
ных групп в
обществе

федерализм; незави-
симость / зависимость
наше и других
государств /

Во-вторых, необходимо "заморозить" существующие политические и административные границы в РФ, какими бы несправедливыми они ни были. В-третьих, разнообразие географических условий, исторических традиций и политической культуры в России предопределяют необходимость предусмотреть более гибкие формы обеспечения интересов национальных районов, в том числе на началах культурной, но не территориальной автономии. В-четвертых, целесообразно стимулировать в РФ "горизонтальную" интеграцию политико-территориальных единиц в рамках региональных ассоциаций и т.п. Для нашей страны особенно справедлива свойственная всем территориальным уровням закономерность: чем в большем числе территориальных группировок участвует политико-территориальная единица, входящая в некую совокупность, тем она устойчивее. В-пятых, подлинная "федерализация" России невозможна сверху и без образования собственно российских субъектов федерации.

Административно-территориальное деление (АТД) – неотъемлемый элемент ТПОО в любом государстве, непосредственно связанный с коренными интересами людей. Оценка "качества" АТД зависит от принципиального политического выбора, предопределяемого историей и политической культурой страны.

В первом случае для государства наиболее важными функциями АТД являются обеспечение контроля центра над местами, территориальная интеграция, предотвращение сепаратизма и регионализма, а, следовательно, концентрация управления различными сферами в системе жестко подчиненных центру органов, облегчение сбора налогов и информации из регионов и передача им приказов, легкость мобилизации сил и средств. Выполнение этих функций требует соответствия системы АТД сети функциональных экономических районов разного ранга, формирующихся вокруг крупных центров, т.е. совпадения между границами ТПС де-юре и де-факто, но крайней мере, на однородной в национальной и культурном отношении территории. Такого соответствия требует также необходимость выполнения АТД функции обеспечения представительства в центре интересов территориальных общностей (регионов). Дробность АТД должна быть достаточной, чтобы политическая элита ни в одной из единиц не была настолько сильной, чтобы конкурировать с центральной властью. Не случайно в бывших "малых" союзных республиках не было областей. В то же время число еди-

ниц АТД не может превышать определенного порога, за которым управление теряет свою эффективность. Большую роль для АТД в этом случае играет баланс местных интересов.

Во втором случае приоритет приобретает функции АТД как основы представительства людей (а не территориальных общностей) в центральных и местных органах власти. При этом вовсе не обязательно, чтобы АТД как ТПС де-юре совпадало с ТПС де-факто.

Обычно АТД выполняют множество других функций – обеспечения размещения органов власти и государственного управления, территориальной организации государственных служб, стимулирования освоения новых районов, организации деятельности муниципального хозяйства и др. Поэтому проблема соотношения между системой АТД и геопространством весьма сложна.

В промышленно развитых странах система АТД многоступенчата, нередко строится по-разному в разных частях государства, отличается дробностью и большими различиями между единицами одного уровня, что обуславливает и их значительные различия в площади, людности, экономическом потенциале и налоговой базе. АТД обычно весьма консервативно; права коммун – низового звена сети АТД – на целостность территории считаются неотъемлемыми, и среди этих единиц преобладают малые и мальчишье. Городецкие агломерации, как правило, расчленены между местными десятками или сотнями территориальных коллективов.

Несоответствие границ административных единиц с рубежами реальных пространственных систем, "балканизация" власти имеет ряд негативных последствий. Осложняется решение единиц для крупных территорий проблем, происходит разделение средств из-за дублирования служб, углубляется неравенство в обеспечении людей коммунальными услугами, нарушается пространственное соответствие между нуждами населения и финансовой базой муниципалитетов. В крупных городах разнообразно и сложность проблем совпадает со слабостью финансовой базы. При этом муниципалитеты вынуждены частично обеспечивать потребности жителей пригородов: внезапно сходящих на работу в центральные части городов, они пользуются их инфраструктурой, но налоги платят по месту жительства (эффект "богатого налогоплательщика").

Эта проблема была исследована нами на примере Бременской

агломерации в ходе годичной работы в Свободном университете Брюсселя. Ситуация в этой агломерации осложняется еще и тем, что ее центр и периферийные части находятся в 3 разных районах - частях формирующейся Федерации. Более половины занятых в агломерации в границах района Брюссель живет вне его пределов. Население Брюсселя долгое время сокращается за счет выезда в пригороды наиболее состоятельной его части; в результате и средний, и медианный доход на душу населения относительно среднего по стране неуклонно уменьшается. Одновременно дальние пригороды на юге агломерации стали относительно еще богаче. В то же время душевные расходы брюссельских коммун, более чем на 1/3 финансируемые за счет коммунальных налогов, на 40% выше, чем в Валлонии, и на 70% - чем во Фландрии; уровень коммунальных налогов на периферии агломерации намного ниже, чем в центре.

Постоянное отставание доходов от потребностей местных органов власти заставляет их искать возможности для "экстернализации" расходов - избавления от некоторых затрат и ответственности за соответствующую сферу, перевода ее на рыночную основу. Такую возможность дают специальные округа, позволяющие также упростить систему АД общей компетенции. Такие округа, не совпадающие с обычными административными единицами, используются также для территориального управления сферами, остающимися в ведении центральных властей. Хотя практика специальных округов имеет недостатки (большая разница в налогообложении между округами, затрудненность демократического контроля над их органами), создание этих единиц обеспечивает системе АД необходимую гибкость и адаптивность.

Создание надкоммунальных объединений, иногда в обязательном порядке, позволяет противодействовать эффекту "богатого нахлебника", перераспределять часть налоговых поступлений в пользу коммун, в которых воспроизводится рабочая сила, в соответствии с величиной налога с оборота на душу населения, согласованных ставок налогов, передачи компетенций в социально важных областях, создания специальных фондов на уровне вышестоящих местных органов власти.

Необходимость перераспределения налоговых поступлений ставит важную в теоретическом и политическом отношении проблему

социальной справедливости: определение допустимых границ неравенства между территориальными коллективами, путей компенсации изначального неравенства в условиях жизни и размещения деятельности, важной для всего общества, но неблагоприятной для местного населения, возможностей распоряжаться природными и территориальными ресурсами и связанной с ними рентой. Кроме того, территориальная справедливость может рассматриваться в зависимости от потребностей и доступа граждан в разных территориальных ячейках к услугам и другим благам.

Перераспределение населения между административными единицами, экономическая неэффективность многих местных органов власти, требования их демократизации обусловили волну административных реформ во многих странах Запада в конце 60-х - начале 80-х гг. Главное направление этих реформ - укрупнение территориальных чоек на двух уровнях - низовых единиц и единиц основного деления (создание регионов). Некоторые страны (ФРГ, Финляндия, Бельгия, Дания) пошли на слияние мелких старых коммун "сверху"; радикальная реформа была предпринята в Великобритании. Однако и в этом случае новые единицы создавались в рамках нескольких старых коммун; предусматривался переходный период, в течение которого прежние местные органы власти продолжали осуществлять часть своих полномочий.

Создание регионов как определенной формы административно-территориального управления - объективная, универсальная потребность высшего этапа социально-экономического развития. Результаты этого процесса зависят от соотношения экономических и политических целей, баланса между силами, выступавшими за укрепление регионов "снизу", и движениями, выступавшими за укрепление регионов "сверху". В основе процесса регионализации - объективные закономерности регионального развития, связанные со сдвигами в концентрации производства и капитала, пространственным разделением производственного процесса в рамках крупных фирм и ТНК, "филиализацией" хозяйства в ряде депрессивных районов и так называемых районов диффузной индустриализации, "тертиаризацией" экономики. Обострение конкуренции между регионами за привлечение инвесторов и усиление их роли в структурной перестройке хозяйства, а также в смягчении ее социальных последствий были охотно использованы центральными властями для пере-

дачи властям создаваемых регионов многих социальных функций. В то же время движение "снизу" — реакция традиционной экономической и политической элиты на растущую централизацию и интернационализацию экономики, подавление старых отраслей, культурную унификацию, рост политической активности населения в специфичных в этнокультурном отношении периферийных районах — стали мощной опорой радикальной регионализации — передачи регионам широких полномочий.

Важная черта реформ АТД в развитых странах Запада — их компромиссный, постепенный характер, что отчасти вызвано заинтересованностью ведущих политических партий в стабильности территориальных единиц как основы сети избирательных округов, но также и необходимостью достичь широкого консенсуса, заботой о преемственности всей административной системы.

В развивающихся странах АТД отличается большой подвижностью. За 1950-1970 гг. реорганизация АТД была проведена в 65 развивающихся странах, а с 1970 г. по начало 80-х — еще в 39. В противоположность развитым странам, главной тенденцией было увеличение дробности АТД, что частично отражало быстрый рост населения. Однако новые единицы чаще всего выдвигались из состава старых. Наменения мало затронули единицы второго и более низкого порядков. Единицы основного деления стали более однородными по площади и населению, за исключением стран Латинской Америки. Средняя людность этих единиц довольно тесно ($r = 0,85$) на протяжении всего периода с начала 50-х по конец 80-х гг. коррелировала с численностью населения страны. Динамика АТД оправдалась интересами национальной интеграции, концентрации населения и хозяйства, освоением новых районов. Реформированное АТД стало более дробным прежде всего в ведущих экономических районах.

В бывшем СССР в основу АТД была положена идея совмещения иерархии административных единиц с реальным членением экономического пространства, что в принципе соответствовало коронным основам социальной системы — сосредоточению в руках партийно-государственного аппарата контроля над всеми сферами общественной жизни, высокой централизации управления, возможности мобилизации усилий для решения производственных задач. Было, как известно, предпринято две попытки реализовать эту идею — в 20-х

и 50-х – начале 60-х гг., с созданием совнархозов. Однако обе кончились неудачей; история эволюции АДТ страны представляет собой чередование волн слияний и дробления административных единиц. Политические задачи и интересы всякий раз оказывались важнее: манипуляции с границами национальных районов казались средством решения национального вопроса, необходимость концентрации усилий на индустриализации, как в 30-е гг., или для развития военно-промышленного комплекса, как в 60-е, была несовместимой с существованием крупных и более самостоятельных административных районов и вообще территориального самоуправления.

В АДТ России накопилось много недостатков. Многие специалисты и практики, в том числе и географы, призывают к скорейшей этой реформе. Однако, по нашему мнению, относительная стабильность областных границ с начала 60-х гг., – одно из их главных достоинств. Задача состоит не в том, чтобы реформировать нынешнюю систему основного АДТ, но в том, чтобы "разгрузить" ее от несвойственных ей функций, найти формы, которые обеспечили бы всей системе необходимую гибкость. В условиях социально-рыночного хозяйства дело центра – регулирование рынка и воспроизводство капитала, главная задача мест – обеспечение социального воспроизводства, соблюдение социальных гарантий в потреблении, предоставление населению услуг, особенно нерыночных.

Развитие местного самоуправления может принести центру значительный политический выигрыш, так как снимет с него часть ответственности за состояние социальной сферы, несколько пригасит регионализм, повисит адаптивность всей системы ТПОО. Но зарубежный опыт показывает, что это потребует платы в виде доирования местных органов власти и вложений в региональную политику для смягчения нынешних и будущих диспропорций.

География выборов как фактор и результат ТПОО

Подготовка и проведение выборов представительных органов разных уровней – важнейший вид политической деятельности, ключевой этап легитимации государства и всей политической системы, мощный фактор формирования ТПОО. В то же время итоги выборов в значительной мере предопределяются ею. Итогий политико-геогра-

фический анализ выборов включает четыре взаимосвязанных группы вопросов.

1. Изучения объективного "базиса" — территориальной расстановки политических сил — факторов, определяющих размещение, сочетание и соотношение голосов, поданных за разные партии. Фундаментальными проблемами электоральной географии являются выявление состава и специфики политического поведения избирателей в разных районах, динамики и устойчивости политических предпочтений, организованности электората, его склонности доверять авторитетам, отношения к выборам как способу разрешения политических конфликтов в обществе, определение ареалов политических культур как главной характеристики электората.

2. Анализ территориальных аспектов действия механизма избирательной системы, выбор которой, в свою очередь, диктуется особенностями баланса социально-политических сил в стране и ее регионах. Использование этих аспектов — мощный рычаг воздействия на исход голосования, обычно контролируемый правящими партиями.

3. Изучение соотношения объективного географического "базиса" выборов и их политического результата: из-за блокирования партий и "политической игры" в центральных и местных представительных органах, не зависящей от воли избирателей, реальный итог выборов может не соответствовать территориальной расстановке политических сил и влиянию партий среди избирателей. Так, небольшие партии нередко выступают в роли балансиров, склоняющих равновесие сил между крупными партиями в пользу той или другой из них, требуя взамен уступок и корректировки их политики.

4. Изучение "обратных связей" между политикой правительства или местных органов власти, объективным "базисом" выборов и использованием избирательной системы. Чтобы укрепить свои позиции на следующих выборах, находящиеся у власти партии принимают меры по долго- или краткосрочному воздействию на определенные социальные и территориальные группы избирателей, меняя сеть избирательных округов или реформируя избирательную систему в целом, распределяя по территории свои усилия в избирательных кампаниях, государственные инвестиции, заказы и т. д.

В диссертации в основном на материалах западно-европейских

стран, имеющих богато традиции представительной демократии, рассматриваются содержание и методы исследований по каждому из названных четырех блоков электоральной географии.

Принципиальный вопрос при построении моделей территориальной расстановки политических сил – соотношение двух главных групп определяющих ее факторов: социально-экономических и политико-культурных. В качестве особой подгруппы факторов можно также выделить деятельностные – региональные особенности активности партий, популярность общенациональных и местных лидеров и т.д. Значимость факторов сильно зависит от территориального уровня анализа: как правило, при мелкомасштабных исследованиях социально-экономические факторы (плотность и функции поселений, социальный состав и уровень благосостояния населения и т.п.) оказываются важнее. При сходном масштабе анализа роль социально-экономических и политико-культурных факторов зависит от политической истории и уровня развития страны и/или района, их места в системе "ядро-периферия", от того, насколько и в какой степени социально-культурные разломы в обществе отражены в партийно-политической структуре.

Политическая культура – комплекс элементов общественного сознания, включающий политические ценности, ориентации и мнения людей, связанных с социальными институтами и процессами и в значительной мере определяющий их формы и функции. Сущность политической культуры и соотношение между политическими ценностями, ориентациями и мнениями – результат переплетения многообразных исторических, этнокультурных, социально-экономических и других факторов в их конкретных региональных проявлениях, отличающихся большой инерционностью. Политическая культура тесно связана с национальным и религиозным сознанием, снятым историческим опытом территориальных общностей и включает глубоко укоренившиеся представления о роли церкви в обществе, социальной справедливости, равенстве, месте данной этнической группы в истории страны и т.п. Так, протестантская этика в значительной мере способствовала выработке фундаментальных принципов политических культур западных стран – индивидуализма и прагматизма, ориентации на личный успех и материальное преуспевание, убежденности в ответственности государства перед народом и смелости правительства, но вместе с тем и необходимости осуществле-

ния правовым государством роли верховного арбитра в обществе, адаптированности к быстрым и постоянным изменениям экономической и политической жизни, вори в равенство политических прав и необходимость участия женщины в политической деятельности. Эти принципы противоположны основам традиционалистских, или "коллективистских" политических культур, свойственных Востоку. Из элементы, однако, сохраняются и в Европе, особенно в Восточной, а также в ряде католических районов. Из этого вовсе не следует, что традиционалистские культуры ущербны; избиратели в ареалах этих культур могут быть не менее, чем на Западе, информированы и вовлечены в политическую жизнь, они просто руководствуются другими политическими принципами. Поэтому было бы большой ошибкой оценивать страны и народы по степени реализации ими западных принципов либеральной демократии.

Политическая культура предопределяет отношение людей к политике и действующим в ней силам и их лидерам, роль личностных характеристик кандидатов на выборах, исключительно значимую в "традиционалистских" обществах, соотношение в политическом сознании быстро меняющихся компонентов (мнений) и стабильных — ценностей и ориентаций. В Западной Европе география влияния партий, в обеспечении которых важны региональные политические культуры, с сильными религиозными и/или этнокультурно-региональными компонентами, сильно отличается от тех, позиции которых зиждутся на более модернизированных политических культурах и которые апеллируют на выборах прежде всего к определенным социально-классовым группам избирателей. Первые имеют преимущественно "вертикальную", межклассовую избирательную базу, с географически резко очерченными границами. Географические различия во влиянии второй группы партий гораздо теснее связаны с территориальным разделением труда и функциональной специализацией разных частей страны. Избирательная база таких партий носит в целом общенациональный, а не региональный характер, имеет "горизонтальную", функциональную структуру.

При анализе политических сдвигов существенно отделить конъюнктурные колебания от долговременных процессов. В одних странах (Великобритания, Швеция и др.) изменения обычно приблизительно одинаковы по всей стране, в других, как, например, Италии, они складываются как средневзвешенная из сдвигов разной

величин и разной направленности. Сопоставление таксонов с одинаковым типом динамики влияния партий за длительный период с ареалами политических культур позволяет проследить их чувствительность к колебаниям политической обстановки. Проведенное автором исследование динамики влияния политических партий Италии за 25-летний период с помощью факторного анализа показало, что относительно более подвержено колебаниям, хотя и по разным причинам, было влияние ведущих политических сил как в ряде высокоразвитых районов Северо-Запада, так и в некоторых ареалах Юга.

Влияние территориальных аспектов механизма избирательной системы на результаты голосования наиболее велико при использовании унитарной мажоритарной системы. Органически присущие ей искажения волеизъявления избирателей могут усугубляться особенностями географии влияния партий, в частности, сильной концентрацией их сторонников в небольшом числе округов. В большинстве стран представительной демократии, в которых действует эта система, законодательно регламентируются распределение депутатских мандатов по территориальным ячейкам (штатам, провинциям и т.п.) и регулярный пересмотр сети избирательных округов, чтобы избежать значительных различий между ними в численности населения. Тем не менее адаптация сети округов отстает, как правило, от темпов миграций, вследствие чего представительство городского населения нередко оказывается заниженным (хотя обезлюдевшие центры крупных городских агломераций нередко, напротив, получают преимущество). Объективно это обычно благоприятствовало консервативным партиям, опирающимся на сельские округа.

Джерримандоринг — искусственное создание округов, в которых определенная партия имеет заведомое преимущество, бывает трудноосуществимым. Тем не менее разработаны принципы и методы, позволяющие технически решить достаточно сложную задачу разделения территории на "нейтральные" округа. Однако проблема эта — далеко не только техническая, но подразумевает политический выбор. Если округа четко соответствуют сложившимся де-факто ТПС, избранные депутаты, очевидно, более склонны отстаивать интересы делегировавших их территориальных общностей, если нет, — более предрасположены к компромиссам между интересами разных социально-территориальных групп.

Выборы и референдумы, прошедшие за последние годы в бывших советских республиках, дали неоценимый материал для изучения территориально-политических структур в бывшем СССР. Небольшая группа исследователей из Института географии РАН и географического факультета МГУ, участником которой был автор, создала банк данных и проанализировала результаты голосований в 1989–1991 гг. в бывшем Союзе и России. Личный вклад автора заключался в составлении программы исследования и научном редактировании монографии (совместно с Н.В.Петровым и Л.В.Смирнягиным)¹, написании трех ее разделов и цикла статей (единолично и в соавторстве).

Для анализа географии выборов в СССР потребовалось разработать особую методологию, учитывающую слабую структурированность и политическую выраженность интересов социальных групп и отсутствие в связи с этим многопартийной системы; слабость ценностей и традиций представительной демократии и другие особенности политической культуры; большую значимость для избирателей субъективных факторов, прежде всего, социальной принадлежности, профессии и должностного положения кандидатов, их манеры держаться, известности и ораторских способностей и т.п.; наконец, отсутствие материалов для ретроспективных сопоставлений (история России знала только один подлинно демократические выборы – Учредительного собрания в 1917 г.).

Выявлены грубые нарушения при нарезке избирательных округов, существенно повлиявшие на представительство социально-территориальных групп избирателей. В частности, число избирателей (а не населения, как в других демократических странах) в национально-территориальных округах (НТМО) по выборам народных депутатов СССР нередко отличалось более чем вдвое от среднего по соответствующей республике или автономии, причем, как правило, было занижено представительство жителей городов. В Латвии и Эстонии за счет нарезки НТМО, дискриминирующей сосредоточенное в городах русскоязычное население, представительство было резко искажено. К сожалению, опыт 1989 г. не был учтен при организации выборов народных депутатов России 1990 г., и

¹ Весна 89. География и анатомия парламентских выборов в СССР / Под ред. В.А.Колосова, Н.В.Петрова, Л.В.Смирнягина. М.: Прогресс 1990. 328 с.

сеть округов страдала теми же недостатками – недопустимыми различиями в людности между округами, нередко некомпактными и иногда очень отдаленными "эксклавами". Границы округов по-прежнему на всех уровнях слепо следовали административным; отсутствовала какая-либо концепция соотношения между округами и территориальными общностями.

Уровень абсентеизма – единственный общий показатель, позволяющий напрямую сравнивать все состоявшиеся в России голосования; в нашей стране он находился в обратной зависимости с уровнем социально-политической активности населения региона и в прямой – с влиянием сил, стоявших в оппозиции КПСС. Этот показатель на всех голосованиях обнаружил две общие закономерности. Во-первых, линейно структуры, вытянувшиеся вдоль диагонали, пересекающей территорию бывшего СССР с северо-запада на юго-восток. К северу от этой линии абсентеизм, а вместе с тем и влияние демократических сил в целом значительно выше среднего по бывшему Союзу и/или России. Во-вторых, уровень абсентеизма и популярность демократов выше в городах всех без исключения районов и на всех территориальных уровнях. Коэффициенты вариации по областям РФ доли избирателей, не участвовавших в голосованиях в 1989–1991 гг., почти одинаковы, что свидетельствует об устойчивости макрорегиональных политических структур.

Пространственная дифференциация других показателей, характеризующих ход голосования на выборах 1989 и 1990 гг. в РФ (доли голосов против всех кандидатов и недействительных, среднего числа кандидатов на один мандат, степени соревновательности выборов и др.), в целом следу*т двум названным главным закономерностям. Уровень абсентеизма на предыдущих голосованиях позволяет с достаточно высокой вероятностью предсказывать не только интерес избирателей в разных регионах к голосованию, но и его результаты. Так, множественный коэффициент корреляции доли избирателей, участвовавших в президентских выборах в РФ, с этим же показателем на предыдущих голосованиях составил 0,71, с долей голосов, поданных за Б.Н.Ельцина, – 0,63. Картирование остатков регрессии показывает районы с наибольшей динамикой активности и взглядов российских избирателей в 1989–1991 гг.

Высокая корреляция между результатами указанного и российского референдумов 1991 г. и долей голосов за двух главных со-

перников на выборах президента РФ – Б.Н.Ельцина и Н.И.Рыжкова, а также почти зеркально противоположное территориальное распределение голосов за них – свидетельство того, что к августовским событиям 1991 г. в России сформировалось два главных типа политических предпочтений. Картографический и многофакторный анализ итогов президентских выборов в России позволяют выделить в зависимости от соотношения сил между кандидатами и активности избирателей несколько типов регионов. Типы с наиболее высоким "рейтингом" Б.Н.Ельцина охватывают области и города с наибольшим экономическим, культурным и научным потенциалом, главные промышленные центры, что говорит о высоком "качестве" победы российского президента в 1991 г.

Познание причин территориально-политической дифференциации России, показываемой результатами голосований, требует детального анализа региональных политических культур, в основе которых – многообразные исторические факторы и весьма устойчивые территориальные структуры.

Вид особенностей географии выборов 1989–1991 гг. очень сходны с распределением голосов на выборах в Учредительное собрание в 1917 г. Два почти сливавшихся ядра регионов с инновативным поведением избирателей вокруг Москвы и Петрограда, вытянутые в северо-восточном направлении, полностью сохранились; изменилась лишь их периферия. Некоторые области Центра с обезлюдевшей сельской местностью стали относительно более консервативными, тогда как районы Севера и Сибири, "пламенный котел" российской миграции, приобрели радикально-инновативные черты (ранее инновативность выражалась в высокой доле голосов за большевиков и в целом за партии социалистического толка, в 1989–1991 гг. – в голосовании за оппозицию КПСС). Такая стабильность, безусловно, связана с фундаментальными условиями геопространства – исторически сложившейся географией процесса урбанизации, агроресурсов и сельского хозяйства, обусловивших контакты сельских жителей с крупными городами, структуру их занятий, образ жизни.

На политико-культурную дифференциацию территории России накладывается сильнейшая зависимость итогов голосования от структур типа "ядро-периферия". Результаты референдумов в голосовании за главных кандидатов на президентских выборах

1991 г. хорошо коррелируют с социально-экономическими индикаторами, отражающими различия между городскими центрами и сельской местностью — например, розничным товарооборотом на душу населения, долей лиц с высшим образованием и т.д., а также непосредственно с различными показателями уровня урбанизации.

Опыт анализа выборов 1989—1991 гг. показывает, что в России, как и в других демократических странах, необходимо создать систему мониторинга избирательных кампаний, хода и результатов выборов в территориальном разрезе. Эта система должна включать государственные учреждения, парламентские комиссии, группы независимых экспертов, коммерческие консультативные фирмы. Задачи этой системы: квалифицированное деление территории на округа; их увязка со всей системой ТПОО; выявление политических позиций населения в разных районах, его реакции на государственные решения; поиск путей трансформации недемократических путей политической борьбы в русло представительной демократии, выявление районов политической напряженности; создание политико-географических описаний-справочников.

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование дало возможность сделать следующие выводы, соответствующие его исходным задачам.

1. В развитии мировой ПГ можно выделить несколько этапов, характеризующихся спадами и подъемами общественного интереса к ней, соотношением прикладных и фундаментальных исследований и сменой парадигм в эволюции ее теории. Нынешний этап отмечен возрастанием актуальности этой науки, возникновением "новой" политической географии, отличающейся широким плюрализмом методологической базы, но в первую очередь основывающейся на теориях неоклассической политэкономии и марксизма. В нашей стране актуальность ПГ скачкообразно возросла в связи с революционными преобразованиями в обществе.

2. Базовой концепцией ПГ, объединяющей ее направления и уровни исследований, можно считать представление о территориально-политической организации общества (ТПОО). Она включает воздействие особенностей геопространства на политическую деятельность и отношения между ее субъектами, а также совокупность

двух видов иерархических территориально-политических систем (ТПС) – объективно формирующихся в процессе политической деятельности (ТПС де-факто) и управляемых, зафиксированных правовыми актами, с четко закрепленными границами (ТПС де-юре). Вопрос о соотношении этих двух видов ТПС на разных территориальных уровнях – один из центральных в ПГ и имеет большую практическую и политическую значимость.

3. Степень совпадения ТПС де-юре с экономическими, социальными, этнокультурными, природными и другими рубежами в геопространстве на общациональном и субнациональном уровнях – результат соотношения политических сил в стране в целом и ее регионах, политической культуры и традиций, следствие политического выбора. В условиях рыночного хозяйства стабильность политико-административных границ, эволюционный путь их преобразования и использование для этого косвенных рычагов с учетом исторических традиций и мнения населения – обычно залог общественной стабильности в целом. Однако это органически связано с гибкостью и адаптивностью ТПС, обеспечиваемыми промежуточными и целевыми политико-административными структурами.

4. Федеративная форма государственного устройства отнюдь не связана с многонациональным составом населения страны. Напротив, опыт федеративных государств свидетельствует, что множественность критериев территориального размежевания между субъектами федерации, их внутренняя неоднородность и взаимодополняемость – важнейшие условия политической стабильности. Средство снижения напряженности – упреждающие реформы, направленные на передачу существенных компетенций на более высокие или более низкие уровни, чем уровень субъектов федерации, но без передела границ; гибкость форм обеспечения интересов этнических групп без институализации районов их расселения. Как показывает анализ территориальных этнокультурных конфликтов в бывшем СССР, эти принципы применимы и к России.

5. Обеспечение стабильности административных границ не означает их полной и постоянной неподвижности. Главные направления административных реформ в промышленно развитых странах – укрупнение низовых единиц и создание крупных регионов на базе единиц основного деления, однако без перекройки границ, совершенствование путей дотирования местных властей и перераспреде-

ление средств, вызвано пространственным несовпадением налоговой базы и потребностей населения на всех уровнях, в соответствии с принципами территориальной справедливости. Наиболее общими принципами преобразования сети административных единиц являются их смежность, компактность, пропорциональность, преемственность, соответствие общественному сознанию, экономическая достаточность, взаимодополняемость, гибкость и адаптивность.

6. На наднациональном (макрорегиональном) и глобальном уровнях повышение степени совпадения между объективно существующими ТПС, возникающими ввиду единства и/или конфликтности интересов разных государств, может быть достигнуто формированием многоядерных, многообразных региональных группировок, связанных различными формами взаимозависимости. При этом чем в большее число группировок входит страна или регион, тем устойчивее система в целом.

7. В условиях интернационализации общественной жизни растет взаимосвязь между глобальными, макрорегиональными, национальными, региональными и локальными факторами развития ТПС. Переход к постиндустриальному этапу развития обуславливает в одних типах районов гомогенизацию социальной структуры, в других, наоборот, — социальное расслоение. Это, естественно, вызывает и значительные сдвиги в расстановке политических сил. В то же время многие ТПС весьма инерционны благодаря устойчивости региональных политических культур, воспроизводство которых обеспечивается особенностями социализации личности в конкретных общественно-географических условиях — функцией политико-географического места как первичного звена ТПОО.

Региональные и локальные факторы, в свою очередь, оказывают растущее воздействие на взаимодействия между государствами и крупными регионами. Как показал анализ конкретного материала, это относится и к международным речным бассейнам, и к узлам региональных и локальных национальных и других политических конфликтов.

8. Территория остается одним из наиболее ценных ресурсов государства; особую значимость приобретает ее географическое положение, прежде всего близость к международным коммуникациям. Оно во многом зависит от морфологии государственной территории и предопределяет достаточно жесткие императивы внешней и внут-

реальной политике, ввиду складывания специфических региональных взаимозависимостей. Тип, соотношение контактной и барьерной функций границ (глубина, функции, развитие приграничных и трансграничных районов, направления региональной политики для их стимулирования) предопределяются набором факторов, связанных с географическими данностями, а также экономико- и политико-географическими факторами. Их знание позволяет правильно оценить перспективы регионального сотрудничества.

9. Бюллетень ТПОО – география выборов, важнейшей в государстве с устойчивыми демократическими традициями формы политической деятельности. В то же время результаты выборов – сильный фактор формирования и изменения ТПОО. Многообразные связи территориальной расстановки партийно-политических сил с общественно-географическими системами проявляются при нарезке избирательных округов и в ходе избирательной кампании, в географии влияния партий и ее динамике, в устойчивости и изменчивости электорально-географических районов, деятельности депутатов и формируемых на основе голосования представительных и исполнительных органов власти, особенно при территориальном распределении инвестиций.

10. Методика исследования географии выборов в бывшем СССР требует учета особенностей политической культуры, отсутствия зрелой многопартийной системы и другой специфики. Анализ результатов выборов и референдумов, состоявшихся в бывшем Советском Союзе и России в 1989-1991 гг., показал глубокую политическую дифференциацию территории страны, значительные различия в уровне социально-политической активности населения в разных районах и соотношении выборов с другими формами политической борьбы. Выявлены серьезные недостатки в нарезке избирательных округов и распределении депутатских мандатов между республиками и областями, которые должны быть устранены в законодательном порядке.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Монографии и брошюры

1. Политическая география сегодня // Новое в жизни, науке, технике. Наука о Земле. 1985. № 4. – 3 а.л.

2. Политическая география: проблемы и методы. Л.: Наука, 1988. - 14 а.л.

3. Политическая география. М.: Прогресс, 1988. - 12 а.л. (на языке хинди).

4. Весна-89. География и эволюция парламентских выборов в СССР / Под ред. В.А.Колосова, Н.В.Петрова, Л.В.Смирнягина. М.: Прогресс, 1990. - 20 а.л. (личный вклад - 4 п.л.).

Статьи и тезисы

5. Проблемы политико-географического районирования капиталистических стран // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. 1980. № 3. - 0,5 п.л.

6. Актуальные вопросы политической географии на XI Всемирном конгрессе политических наук // Известия ВГО. 1980. Т. 112. Вып. 6. 0,5 п.л.

То же: Soviet Geography. 1981. Vol.22, N 9.

7. Опыт страноведческих политико-географических исследований капиталистических стран (на примере ФРГ и Италии) // Вопросы географии. 1981. Т. 116 (в соавторстве с О.В.Витковским). - 0,8 п.л.

8. Политическая география на службе государства (учет политико-географических различий при организации выборов как оружие политической борьбы) // Вестник МГУ, сер. геогр. 1982. № 5. - 0,5 п.л.

То же: Soviet Geography. 1985. Vol.26, N 2.

9. Анализ территориальных различий в динамике влияния политических партий с использованием алгоритмов автоматической классификации // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. 1982. № 4 (в соавторстве с В.С.Тихоновичем). - 0,8 п.л.

10. Политико-географическое изучение развитых капиталистических стран: задачи и направления // Известия АН СССР, сер. геогр. 1983. № 3. - 1 п.л.

11. Политическая география как сквозное направление в географической науке // Теоретические проблемы географии. Л.: НГО СССР. 1983. - 0,1 п.л.

12. Динамика политико-административных территориальных систем в развивающихся странах // География и развивающиеся страны.

Л.: ВГО СССР. 1983 (в соавторстве с И.С.Амираговой). - 0,2 п.л.

13. Социально- и политико-географический анализ в современном страноведении // Основные понятия, модели и методы общегеографических исследований. М.: ИГ АН СССР. 1983. - 0,1 п.л.

14. Многомерная типология соотношения партийно-политических сил для политико-географического районирования (на примере Италии) // Известия ВГО. 1984. Т. II6. Вып. I (в соавторстве с В.С.Тихуновым). - 0,5 п.л.

15. Феномен периферийной индустриализации в региональном развитии Западной Европы // Известия АН СССР, сер. геогр. 1984. № 5 (в соавторстве с О.В.Грицай). - 0,6 п.л.

16. Политическая география - перспективное направление советской географической науки // Вопросы экономической и политической географии зарубежных стран. 1985. № 6 (в соавторстве с О.В.Витковским). - 1 п.л.

17. Взаимодействие политической географии с общественными науками // Методология географии: теория, практика, преподавание. М.: Изд-во МГУ. 1986. - 0,5 п.л.

18. Мировое капиталистическое хозяйство и региональное развитие (социально-географические аспекты структурной перестройки) // Известия АН СССР, сер. геогр. 1986. № 3 (в соавторстве с О.В.Грицай). - 0,9 п.л.

19. Региональная политика Запада в условиях пространственно-отраслевой перестройки мирового капиталистического хозяйства // Известия АН СССР, сер. геогр. 1987. № 2 (в соавторстве с О.В.Грицай). - 0,8 п.л.

20. Перспективное направления в развитии политической географии и ее теории // Политическая география: проблемы и тенденции. Баку: АзГУ. 1988. - 0,5 п.л.

21. Интернационализация общественной жизни и политико-географические аспекты глобальных проблем // Глобальные проблемы современности и комплексное землеведение. Л.: ГО СССР. 1988. - 0,6 п.л.

22. На волне реакции: геополитика 80-х гг. // История и методология естественных наук. География. М.: Изд-во МГУ. 1988. - 0,5 п.л.

23. Политическая география Запада в поисках путей к обнов-

лению // Современные идеологические проблемы географии. М.: ИГ АН СССР. 1988. - 0,7 п.л.

24. Некоторые особенности современной геополитики // Глобальные проблемы географической науки. М.: Центр. Совет методол. семинаров при Президиуме АН СССР. 1988. - 0,5 п.л.

25. Старопромышленные районы Западной Европы: отрасли высокой технологии и перестройка хозяйства // Географические проблемы интенсификации хозяйства староосвоенных районов. М.: ИГ АН СССР. 1988 (в соавторстве с О.В.Грицай). - 0,5 п.л.

26. Экологическая ситуация в 80-х гг. // Территориальная структура хозяйства развитых капиталистических стран / Под ред. Э.Б.Алаева и В.А.Колосова. М.: Наука. 1988 (в соавторстве с С.Л.Лабодевой). - 0,3 п.л.

27. Социалистический федерализм и социальная справедливость. Обзор дискуссии // Известия АН СССР. 1989. № 5. - 0,5 п.л.

То же: Soviet Geography. 1989. Vol.30, n 8.

28. География выборов народных депутатов СССР 1989 г. (предварительные результаты) // Известия АН СССР, сер. геогр. 1989. № 5 (в соавторстве с А.В.Борезкиным, М.Э.Павловой, Н.В.Петровым, Л.В.Смирнитским). - 2,0 п.л.

То же: Soviet Geography. 1989. Vol.30, n 8.

29. Глобальные проблемы и комплексное землепользование // Известия АН СССР, сер. геогр. 1989. № 4 (в соавторстве с С.Н.Горшковым, А.В.Дроздовым, В.М.Котляковым, Г.В.Славик). - 1,2 п.л.

30. География выборов в СССР: основные черты и специфика крупных городов (на примере Москвы) // Политическая география: современное состояние и пути развития. М.: ИГиО. 1989 (в соавторстве с Е.В.Сидоровой). - 0,6 п.л.

31. Политическая география: диалектика независимости и взаимозависимости // Политическая география и современность. Л.: Изд-во ЛГУ. 1989. - 0,5 п.л.

32. Экологическая ситуация и политические конфликты в Африке // Африка и новое millennium. Сб. тезисов Пятой Всесоюзной конференции африканистов. М.: Ин-т Африки АН СССР. 1989. - 0,1 п.л.

33. Транснациональные корпорации и региональное развитие в капиталистических странах // Известия АН СССР, сер. "Регион":

экономика и социология". 1990. № I (в соавторстве с О.В.Грицкой). - 0,9 п.л.

34. География и новое политическое мышление (к итогам Глобального Форума за Единство человечества) // Известия АН СССР, сер. геогр. 1990. № 4. - 0,8 п.л.

35. География выборов в СССР: практическое значение, первые результаты // Территориальная организация общества и проблемы международных отношений. Материалы IX Съезда ГО СССР. Л.: ГО СССР. 1990. - 0,1 п.л.

36. Глобальная экологическая проблема и взаимозависимость в современном мире // География и глобальные проблемы. Материалы IX Съезда ГО СССР. Л.: ГО СССР. 1990. - 0,1 п.л.

37. География и новое политическое мышление // География, политика, культура. Л.: Наука. 1990. - 2,1 п.л.

38. О геополитической ситуации РСФСР // Вестн. 1990. № 2. - 0,4 п.л.

39. Международные речные бассейны: географические аспекты взаимозависимостей // География и природные ресурсы. 1991. № I (в соавторстве с К.И.Вибановым). - 0,9 п.л.

40. Субъекты Федерации: какими им быть? // Поли-
тические исследования). 1991. № 4 (в соавторстве с О.Б.Глезер, Н.В.Петровым, Л.В.Смирнягиным, А.И.Трейвишем). - 0,9 п.л.

41. География выборов народных депутатов СССР: национальный аспект // Политическая география и современность. Региональные и прикладные аспекты. - СПб: Изд-во СПбГУ. 1991. - 0,5 п.л.

40. Vitkovsky O.V., Kolosov V.A. Regional political-geographical studies: some theoretical and practical conclusions //International Political Science Review. 1980. Vol.1, N 4.

41. Kolosov V.A. Political Geography in the USSR// Soviet Geography. 1989. Vol.30, N 8.

42. Glezer O., Kolosov V., Petrov N., Strelatzky V., Treivish A. A map of unrest in the USSR//IBRU Boundary Bulletin. 1991. N 2;
Révue belge de géographie. 1991. Vol.115, fasc.1-2-3.

43. Kolossov V. En découvrant un nouvel espace géopolitique: la crise du fédéralisme soviétique et les recherches des solutions constitutionnelles// L'événement européen. 1991. N 16.
44. Kolossov V. La carte des températures politiques de la Russie//Mappemonde. 1991. N 2.
45. Kolossov V., Petrov N. La géographie du référendum du 1991 dans la Fédération de Russie et dans les autres républiques: éléments de stabilité et de dynamisme//Révue belge de géographie. 1991. Vol.115, fasc.1-2-3.
46. Glézer O., Zaslavsky I., Petrov N., Smirnyagin L., Treivish A. Multinationalité et fédéralisme//Le monde: espaces et systèmes. P.:Dalloz. 1992 (traduction du numéro spécial de la "Gazette de Russie", 28.03.1991.
47. Glezer O., Kolossov V., Petrov N. Ethnoterritorial conflicts in the former USSR//IBRU Briefing. Durham: IBRU Press. 1992.
48. Kolossov V. World perspectives: a view from the former USSR//Political Geography in the Twentieth Century. L.:Belhaven.1992.
49. Kolossov V. Le découpage politico-administratif en Russie et la question nationale//Espace, temps. 1992. N 3.
50. Kolossov V. Electoral geography of the former USSR, 1989-1991 (retrospective comparisons and theoretical issues)//New Political Geography of Eastern Europe. L.:Belhaven. 1992.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение

Глава I. Концепция территориально-политической организации общества и развитие политической географии

1.1. Предмет, объект и структура политической географии

1.2. Политическая география в послевоенные годы: основные концепции и идеи

1.3. Концепция территориально-политической организации общества

Глава II. Формы взаимозависимости и территориально-политическая организация общества на глобальном и макрорегиональном уровнях

2.1. Методологические подходы

2.2. Экономическая взаимозависимость и интернационализация хозяйства: политико-географические последствия

2.3. Глобально-региональные экологические взаимозависимости: политико-географический подход

2.4. Региональные экологические взаимозависимости как основа международных конфликтов и сотрудничества

2.5. Новые политические взаимозависимости и смена парадигм геополитики

Глава III. Государственная территория в системе территориально-политической организации общества

3.1. Морфология и географическое положение государственной территории

3.2. Государственные границы – барьеры и линии связи

Глава IV. Географические основы федерализма

4.1. Социально-экономические рубежи и политико-территориальное деление

4.2. Предпосылки и перспективы реформ политико-территориального деления

Глава V. Географические факторы функционирования и эволюции системы административно-территориального деления страны

5.1. Структура и функции административно-территориального деления

5.2. Политико-географические предпосылки и последствия реформ административно-территориального деления

Глава VI. География выборов и территориально-политическая организация общества

6.1. География выборов: информационная база, основные направления исследований и их прикладное значение

6.2. География влияния политических партий

6.3. Территориальная организация выборов в представительные органы

6.4. Взаимосвязь между географией влияния партий и деятельностью исполнительной власти

6.5. Политико- и лекторально-географическое районирование страны: ключевые проблемы и подходы

Глава VII. География выборов в бывшем СССР и России: методические принципы, первые результаты и практические выводы

7.1. Концепция географического исследования выборов в бывшем СССР

7.2. География голосований 1989-1991 гг. в бывшем СССР и России

7.3. Представительство регионов бывшего СССР на политической оценке Съезда народных депутатов (опыт структурно-географического анализа)

Заключение

ПОДАРИЛИ ГИИ РАН

В печать 12.05.92г. Заказ № 127

Тираж 100 экз.